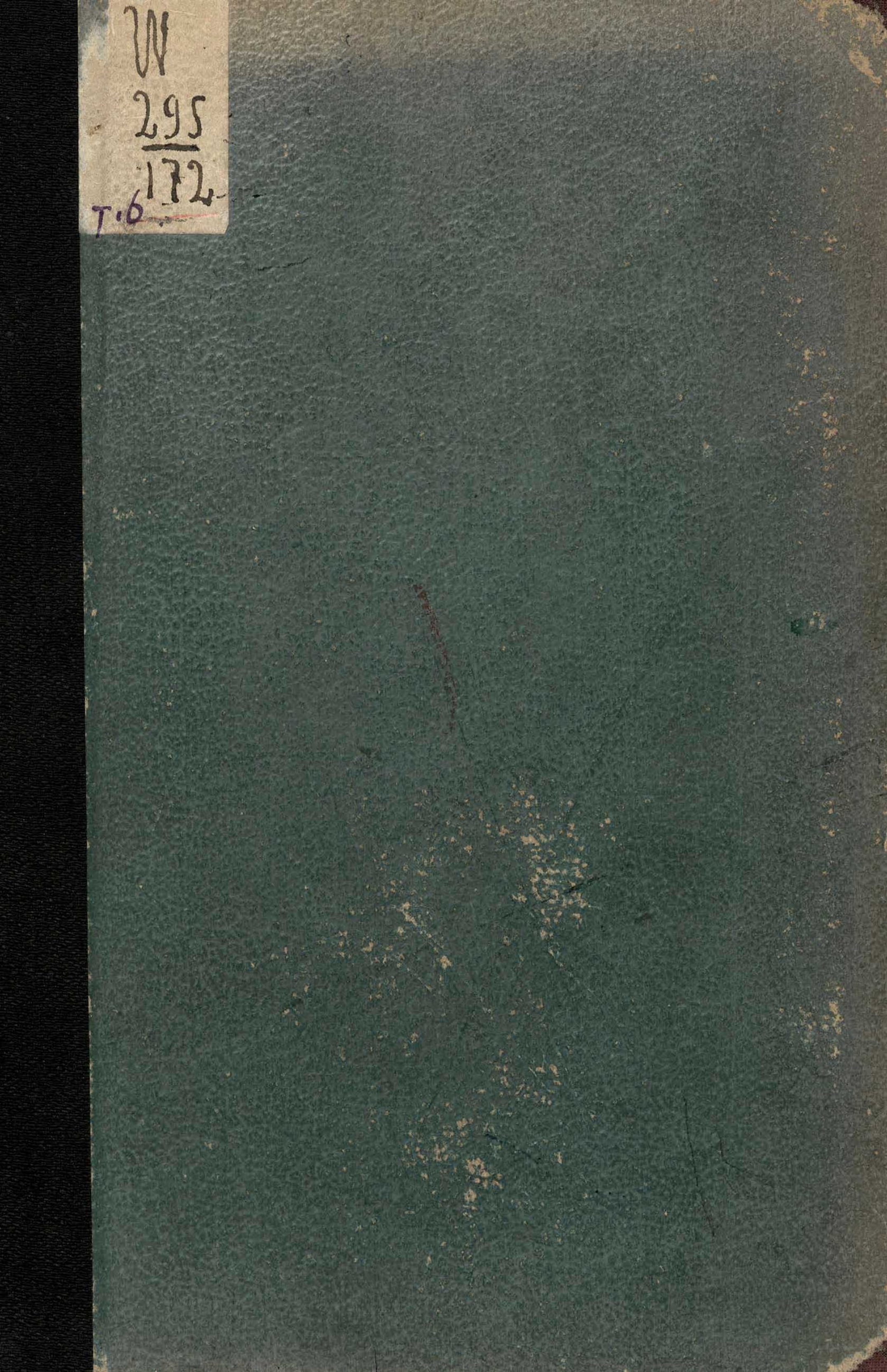

W
295
172
T.6

РАНИМХИРК
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫК и ЛИТЕРАТУРА

ТОМ VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД
1930

РАНИМХИРК
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

ЯЗЫК и ЛИТЕРАТУРА

ТОМ VI

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
ЛЕНИНГРАД
1930

Напечатано по постановлению Коллегии Научно-Исследовательского Института
Речевой Культуры

Август 1930 г. Ученый Секретарь *Л. Якубинский*

Ленинградский Областлит № 70010.— 7 8/16 печ. л.—Тираж 775
Типография Академии Наук СССР. В. О., 9 линия 12

СОДЕРЖАНИЕ

SOMMAIRE

РАНИМХИРК
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ РЕЧЕВОЙ КУЛЬТУРЫ

И. И. Соколов

О языке греков Мариупольского и Сталинского округов

Sur la langue des grecs des arrondissements de Marioupole et de Staline

ПРЕДВАРИТЕЛЬНЫЙ ОЧЕРК

В группе многочисленных греческих поселений в пределах СССР, представляющих большой интерес для изучения в диалектическом и краеведческом отношениях, особое место занимает город Мариуполь и греческие села Мариупольского и Сталинского округов на Украине, имеющие свою историю и свои локальные особенности в языке и фольклоре.

Поселение греков на Мариупольщине и Сталинщине относится к 1778—1780 гг. Оно связано с условиями жизни и быта греков в Крыму, откуда состоялось их переселение на указанную территорию, и было вызвано особыми обстоятельствами времени.

Крым — давняя колония греков. Не углубляясь в классическую эпоху, надлежит сказать, что уже в IV в. н. э. Таврида вошла в устойчивые культурные и административные сношения с Византийской империей, которые в последующее время развивались и крепли и сохранили свою силу и значение до половины XV в. Здесь официальным языком был язык греческий, на котором сохранился и значительный эпиграфический материал, относящийся к разным сторонам жизни и быта Тавриды; здесь в различных частях полуострова раздавалась греческая народно-разговорная речь, так как греческое население было господствующим в Крыму; здесь среди греческого населения происходили важные события общественного порядка, находившие яркое отражение в различных памятниках византийской исторической письменности. Центром культурного воздействия византинизма служил

город Херсон с организованною в Крыму ѳемою (с IX в.), как типичным административно-военным, податным, торговым, земельно-хозяйственными народно-общественным укладом жизни и быта на северовосточной окраине Византии. Херсон был главным полисом Крыма, где концентрировалась торговля между нашим черноморским побережьем, с одной стороны, и Константинополем и Трапезунтом — с другой. Здесь были сосредоточены и книжные собрания края, школы и учителя, служившие проводниками греческой литературы и языка. Административные и военные должности края замещались преимущеественно греками из Константинополя, которые также являлись выразителями начал византинизма в житейско-практическом его осуществлении. Жизнь народа в селах и деревнях, с преобладающим земельно-хозяйственным бытом, строилась на основе мелкого землевладения и общинного устройства, в противовес властельскому засилью, которое и в Крыму стало назревать в середине X в. Торжество эллинизма во всем разнообразном культурном движении было здесь настолько значительным, что вторжения на Крымский полуостров различных варварских народов (готов, гуннов, хазар, печенегов, русских) не оказывали существенного влияния ни на господствующий греческий язык, ни на основные проявления народно-общественного уклада. Характерным показателем в этом отношении является судьба готов, утвердившихся в Крыму в IV в. и остававшихся здесь до позднего средневековья. Готы быстро подверглись культурному влиянию эллинизма и, подобно своим соплеменникам в Малой Азии, превратились в «готогреков — *γοτϑογραῖκοι*» (о которых пишет хронист Феофан под 699 г.), с главными деятелями из греков, при тесном житейско-бытовом общении с греками, — с разговорным греческим языком и греческой письменностью. Мирная эллинизация готов в Крыму засвидетельствована греческим литературным памятником о деятеле VIII в. Иоанне Готском и особенно греческою «Запискою Готского топарха» X в., представляющею в отношении языка видное приобретение византийской литературы. И другие стороны культурных отношений в Крыму до XII в. показывают, что в Херсоне и Херсонской ѳеме, объединявшей наибольший территориальный состав полуострова, обитала коренная масса греческого населения и вполне отчетливо проявлялись византийская общественность и греческое просвещение. Когда Константинополь был взят крестоносцами (1204 г.), Херсон и его область вошли в контакт с Трапезунтской греческой империей и попрежнему сохранили преобладающий греческий характер. Византинизм,

достигший высокого расцвета в империи Великих Комнинов, питал своим культурным воздействием и греческое население Крыма, которое продолжало хранить родной язык, несмотря на продолжавшиеся иностранные влияния (половцев, татар), и ценило свое единение с греческим народом Трапезунта и Никеи. После восстановления Византийской империи (1261 г.), общение греков Крыма с Константинополем оживилось и возрасло. Византийская культура была здесь преобладающей в XIV и начале XV в., исконное греческое население всеми общественно-бытовыми своими устремлениями тяготело к Византии, сохраняло родной греческий язык и вращалось в круге интересов византийской культуры, как духовной, так и материальной. Но на Крым надвигалась гроза со стороны османских турок, предвестником которой в середине XV в. были столкновения на полуострове между генуэзцами и татарами и внутренние нестроения в разноплеменной среде крымского населения.

Крым еще при султане Магомете II, завоевателе Византии (1453 г.), вошел в состав вассальных владений Оттоманской империи на положении отдельного ханства, под управлением татарской фамилии Гераев или Гиреев. С конца XV и до последней четверти XVIII вв. внутренние отношения в Крыму складывались и протекали под воздействием двух начал — местного татарского, стремившегося к самобытности и самостоятельности, и внешнего — турецкого, стремившегося с наименьшими затруднениями сохранить здесь сюзеренную власть турецких султанов, по мотивам финансово-экономическим и политическим. Эта двойственность начал во внутреннем устройстве Крымского ханства неблагоприятно отразилась на положении и местного греческого национального меньшинства. В течение трехвекового владычества татар греки никак не могли войти в тесное культурное единение с господствующею татарскою народностью и продолжали сохранять свою национальную самобытность и родной язык. Это обусловливалось, прежде всего, политическою и особенно социально-экономическою обособленностью греков, преимущественно же греческих трудящихся масс, от привилегированного татарского населения, затем — автономным административно-общественным укладом жизни и быта греческого национального меньшинства, утвердившимся в Крыму по константинопольскому типу и обеспечивавшим грекам некоторую свободу в устройстве сельского самоуправления при участии выборных димогеронтов, в организации своих школ и других народных учреждений, наконец, — обусловливалось постоянным торговым и

житейско-бытовым общением крымских греков с зарубежным греческим миром в пределах Турции, которое поддерживалось и массовым выселением греков Понта, островов Архипелага и Пелопонниса на территорию Крыма. Под воздействием этих факторов, крымские греки, при тяжелых условиях двойственного турецко-татарского владычества, сохранили до середины XVIII в. свою народную самобытность, духовную культуру и родной язык. Греческая речь по местам непрерывно звучала на территории Крыма, сохраняя традиционное преемство от византийской и даже классической эпохи. Димотический греческий язык был живым разговорным языком трудящихся масс, повседневным бытовым явлением, органом сношения греческого народа в Крыму с зарубежными греками, языком торговых его операций с греками Нежина и других греческих поселений на русском побережьи Черноморья. На греческом языке в Крыму распевались народные песни, рассказывались сказки. Из Турции проникали к крымским грекам и книги греческой печати, которые греческими книжниками и учителями, выходцами с Востока, распространялись в народе и закрепляли культурную его связь с эллинизмом. Греческий язык преподавался и в сельских школах, служил языком богослужения и проповеди, применялся в административных и судебных актах сельских димогеронтий, которые по гречески и подписывались крестьянами-греками...

Но не во всех греческих поселениях Крыма греческий язык сохранился в одинаковой неповрежденности. Вековая оторванность крымских греков от культурных центров эллинизма неизбежно должна была отразиться на его чистоте. Эволюция греческих говоров в Крыму шла своим особым путем. В тех селах и деревнях, где греческое население представляло сплошную массу или было преобладающим (преимущественно по южному и восточному побережьям Крыма), греческий димотический язык сохранил бо́льшую неповрежденность и ближе примыкал к более широким разветвлениям или диалектам общего разговорного языка (*κοινὴ λαλουμένη γλῶσσα*), употреблявшегося среди греческого населения Турции. Но там, где греки составляли меньшинство сравнительно с татарским населением, греческий язык терял свою чистоту, засорялся чуждыми ему турецко-татарскими элементами, являлся языком испорченным. Иногда же греки и совершенно забывали свой родной язык, принимали язык господствующей народности — татарской и являлись пред лицом всего греческого народа т а т а м и, т. е. изменниками. В этом отношении с греками Крыма произошло тоже, что

наблюдалось и в Малой Азии среди греческого населения областей Трапезунта, Амасии, Халдии и Кесарии Каппадокийской, которое в течение веков проживало в сплошном окружении турок, забыло греческий язык и восприняло язык турецкий, сделавшийся общим разговорным языком. И в Крыму, и в Малой Азии действовали одинаковые факторы, которые и привели к тождественному результату: социально-экономическое засилье господствующей народности, желание облегчить свое бесправное гражданское положение, страх пред чиновниками, откупщиками и сборщиками податей заставляли греческое национальное меньшинство приспособляться к суровой татарско-турецкой обстановке, походить на татар или турок по внешнему своему виду, по именам и прозвищам и даже говорить на их языке, отказываясь от родной речи. Примечательно, что эти туркофоны и татарофоны в глубине своего сознания оставались «рум» — «ромэями», т. е. греками, или византийцами, несмотря на чуждую им внешность, обычаи и даже язык.... И вот в то время как часть греков внутренних городов и сел Крыма, преимущественно в югозападной его части, подавленная вековым массовым гнетом татар, приняла язык господствующей народности, другая их половина, жившая преимущественно по южному и восточному побережьям Крыма, где экономическое засилье татар было слабее, а международное общение интенсивнее, сохранила свой родной язык в некоторой неповрежденности и в органическом объединении с общегреческою народною речью и, в течение ряда веков, пользовалась им, как живым разговорным языком. С этим драгоценным наследием древности греческое национальное меньшинство в 1778 г. пересилилось из Крыма на Украину, где димотический греческий язык вступил в новый период своей исторической эволюции.

Эмиграция греков из Крыма на Украину находилась в неразрывной связи с различными обстоятельствама эпохи, которые обусловливались, с одной стороны, участием русского правительства в этом деле, а с другой — интересами греческого национального меньшинства, издавна обитавшего в Крыму. Что касается греков, то для них самым жизненным и реальным мотивом к выселению из татарского Крыма служил тот многовековый социально-экономический гнет, который обременял их и опутывал во всех сторонах жизни и быта, и своим прогрессирующим давлением лишал надежды на возможное улучшение в близком будущем. Идея эмиграции

возникла в глубине коллективного сознания греков, вынашивалась в течение длинного ряда лет, вдохновлялась и поддерживалась при участии народного представительства — в составе сельских димогеронтий и впервые официально была заявлена пред русских правительством в 1771 г. вождем греческой эмиграции Игнатием Гозадиновым. Питаясь общенародным недовольством во всех областях жизни и быта в Крыму, которое вызывалось распадом экономических сил края, ненормальностью господствовавших здесь социальных отношений и неустройством политических дел, эмиграционное движение крымских греков, находилось, вместе с тем, в органической связи с общегреческим освободительным течением, бурно заявленным по всей Турции в конце XVIII в. и, под влиянием господствовавших повсюду либеральных идей, направленным к достижению политической свободы для греческого народа от турецкого властительства. Это стремление крымских греков к освобождению путем эмиграции встретило полное сочувствие и содействие со стороны русского правительства, которое в этом акте выполняло одну из задач традиционной русской политики в восточном вопросе, а главное — осуществляло свой план в государственной колонизации Новороссийского края. При таких условиях эмиграция греков из Крыма была проведена быстро: фактически начавшись около 26 июля 1778 г., она завершилась 29 ноября того же года, когда в Екатеринославль прибыла из Крыма последняя партия переселенцев-греков.

Всех греков переселилось из Крыма на Украину 18.395 человек обоего пола, как можно судить по официальным статистическим данным того времени. Но греки, в первые два года после переселения, оказались на новых местах жительства в крайне тяжелых экономических условиях, так как русское правительство, вопреки обещанию, не сразу могло указать им определенные места для поселения, не обеспечило их пищевым содержанием, материалами для постройки домов и медицинской помощью во время эпидемических болезней зимою 1778 и 1779 гг., когда многие из греков погибли. По официальным статистическим сведениям от 17 декабря 1781 г. в Мариуполе и в 19 вновь устроенных селах Мариупольского уезда жителей «греческой нации» было 13 740 человек, из них мужчин 7271 и женщин 6469. Территория для поселения греков была назначена в Мариупольском уезде, в пределах — от Азовского моря на юге до реки Волчьей на севере, от р. Калмиуса на западе до Берды на востоке. Здесь весною 1780 г. греки приступили к постройке города и сел, в одних из которых поселились греки,

говорившие на родном греческом языке, в других — говорившие на языке татарском.

Начало возникновения города Мариуполя (на северном берегу Азовского моря, по правую сторону устья р. Калмиуса, близ озера Домахи) можно отнести к 26 июля 1780 г., когда здесь основались первые поселенцы-греки, в числе 200 беднейших семейств, преимущественно рабочих и ремесленников (слесарей), а также торговцев. Население Мариуполя составили выходцы из крымских городов Кафы (Феодосия), Бахчисарая, Карасубазара, Евпатории (Гезлеве), Балаклавы, Старого Крыма и Белбека. Они в своем большинстве говорили на крымско-татарском языке, в другой же и меньшей по количеству части населения применялся греческий язык. Этот смешанный характер языка греческого населения Мариуполя составлял характерную особенность города и в последующее время.

Затем, в течение 1780—1781 гг. в Мариупольском уезде были основаны следующие греческие села, в которых разговорным языком служил греческий язык.

1. Сартана на р. Калмиусе, в 20 *км* к северо-востоку от Мариуполя; здесь поселились выходцы из крымского села Сартаны, Карасубазарского уезда, в бывшей Сугдейской (в византийскую эпоху) области, в числе 669 чел. (по ведомости 1781 г.).

2. Чермалык на р. Калмиусе в 30 *км* к северо-востоку от Мариуполя с поселенцами из крымских сел Чермалыка, Айланма, Шелена и Капсихора в Карасубазарском уезде, или в бывшей Сугдейской области, в числе 417 чел. (от 1781 г.).

3. Чердаклы на р. Кальчике в 30 *км* к северу от Мариуполя, с выходцами из крымского села Чердакля в Карасубазарском уезде или в бывшей Сугдейской области, а также из сел Байсу и Каракоба в той же крымской местности, в числе 497 чел. (от 1781 г.).

4. Малый Янисоль на р. Кальчике в 35 *км* к северо-западу от Мариуполя, с поселенцами из крымских сел Енисала, Еникой, Джемрека и Уйшуна в Карасубазарском уезде, или в бывшей Сугдейской области, в числе 933 чел. (по ведомости 1781 г.).

5. Большая Каракуба на р. Калмиусе, в 90 *км* к северо-востоку от Мариуполя, с выходцами из крымского села Аргын-Каракуба в Карасубазарском уезде, или в бывшей Сугдейской области, в числе 1304 чел. (от 1781 г.).

6. Большой Янисоль на правом берегу речки Мокрые Ялы (Ялита), в 115 *км* от Мариуполя к северо-западу, с выходцами из крымского села Салт-Енисала в Акмечетском уезде, или в бывшей Сугдейской области, говорившими по-гречески; другую часть села, с именем Аян, заняли греки с татарским языком, выходцы из крымского села Большая Енисала, иначе — Аян; в 1781 г. в Большом Янисоле было 595 жителей.

7. Ялта — при устье речки Мокрая Белосарайская, впадающей в Азовское море, в 30 *км* к юго-западу от Мариуполя, с выходцами из крымского городка Ялты и соседних прибрежных сел — Верхняя Аутка, Нижняя Аутка, Магарач, Марсанда, Никита, Кучук (Малый) Ламбат и Биюк (Большой) Ламбат, в числе 793 чел. (в 1781 г.).

8. Урзуф — при устье речки Зеленой, впадающей в Азовское море, в 45 *км* к юго-западу от Мариуполя, с переселенцами из крымских сел Гурзуфа и Кизил-Таш, в числе 183 чел. (от 1781 г.).

9. Стила — на реке Мокрая Волноваха, западном притоке Калмиуса, в 120 *км* к северу от Мариуполя, с выходцами из крымского села Стиля Бахчисарайского уезда, в числе 508 чел. (1781 г.).

10. Константинополь — на реке Волчьей, в 190 *км* к северу от Мариуполя, с выходцами из крымских сел Демерджи или Фуна, Алушты, Куру-Узень (Ксеропотам), Кучук-Узень (Микропотам) и Улу-Узень (Мегапотам), в числе 511 чел. (от 1781 г.).

Кроме этих сел, в конце XVIII и начале XIX вв. в Мариупольском уезде возникли и некоторые другие села с греческим разговорным языком, жители которых или вновь прибыли из Крыма, даже из Малой Азии, или выделились из среды уже существовавших на Мариупольщине греческих общин. К ним относятся:

11. Новая Каракуба — на реке Мокрые Ялы (притоке Волчьей), при впадении в нее речки Сухие Ялы, в 100 *км* к северо-западу от Мариуполя, где поселились выходцы из Мариупольского села Большой Каракубы.

12. Бугас или Волноваха — на реке Мокрой Волновахе, западном притоке Калмиуса, в 110 *км* к северу от Мариуполя, куда в 1812 г. выселились некоторые жители той же Большой Каракубы.

13. Новый Янисоль — с выходцами из села Малого Янисоля, поселившимися в 15 *км* от этого села к западу.

14. Анадоль — на р. Кальчике, в 80 *км* к северо-востоку от Мариуполя, основан в 1826 г. выходцами из Малоазийской области Понта, бежавшими на Украину во время греческой революции.

В конце XIX в. возникли к западу от Сартаны деревни Македония или Македоновка и Византия, жители которых выделились из состава сартанской крестьянской общины.

Таким образом, села Мариупольского и Сталинского округов с разговорным греческим языком населения были устроены теми греками, выходцами из Крыма, которые жили по южному и восточному побережьям полуострова и на территории бывшей Сугдейской или Сурожской—в византийскую эпоху — области и отчасти в восточных пределах Готской области, т. е. в тех местностях Крыма, где, с одной стороны, было более спорадическое расселение господствующей татарской народности, а с другой — поддерживались более частые сношения греков, как по торговым, так и по житейско-бытовым делам, с зарубежным греческим миром. Сохранив родной греческий язык в некоторой чистоте и неповрежденности или даже с примесью чуждых, преимущественно татарских, элементов, греки этих местностей Крыма, выселившись на Украину, держались и здесь в той общинной группировке, которая объединялась единством языка, селились на Мариупольщине по родовому и фамильному принципу, в прежнем составе своих сельских организаций, всею массою жителей-эллинов, говоривших на димотическом эллинском языке. Так греческие села с эллинскими говорами обособились на Мариупольщине со времени первоначнльного возникновения и эту речевую изолированность сохранили до наших дней.

Что касается другой группы греческих сел на Мариупольщине и Сталинщине, в которых население говорит на крымско-татарском языке, то к ним относятся: Старый Крым, Мангуш, Карань, Бешев, Ласпи, Богатырь, Камара, Улакли, Старый Керменчик и Новый Керменчик. Население этих сел, состоявшее в 1781 г. из 4563 чел., образовалось из тех выходцев, которые в Крыму жили в югозападной его части, в пределах бывшей Готии и византийских областей Херсонской и Фулльской, т. е. там, где татарская масса, концентрировавшаяся около Бахчисарая, была господствующей и давила на окружающую среду в социально-экономическом направлении. Восприняв язык господствующей татарской среды в период обитания в Крыму, греки югозападных его областей и после выселения на Украину обособились от «эллинов» по языку в отдельно

основанных селах, и в этой речевой изолированности пребывают и до настоящего времени. Тоже самое произошло и с группой грузин, которые вместе с греками выселились на Украину из разных городов и сел Крыма и устроили свое село Игнатьевку, с населением в 1781 г. в 547 чел. (вместе с валахами); грузины и теперь говорят на крымско-татарском языке. Что же касается валахов, то они рано выделились из состава населения Игнатьевки и по соседству построили особое село—Новую Игнатьевку; они и теперь говорят по-валашски.

Условия культурной жизни и быта греков на Мариупольщине были благоприятны для сохранения родного греческого языка в силу тех привилегий, которые были им дарованы грамотою Екатерины II от 21 мая 1779 года. Греки были снабжены обильною и плодородною землею (по тридцати десятин на душу), освобождены от всяких податей и налогов в течение первого десятилетия, а в последующее время платили их на самых льготных условиях, получили бесплатные материалы для постройки сел и деревень, пользовались различными льготами в торговле, рыбных и иных промыслах и вообще были поставлены в ведении земледелия, скотоводства, садоводства и других хозяйственных занятий в самые благоприятные условия, так что быстро достигли экономического благосостояния, жили привольно и широко и сполна были вознаграждены за прежние невзгоды и лишения. В силу данной им привилегии, как город Мариуполь, так и все греческие села были освобождены от поселения здесь украинцев, русских и иных народностей, так что греки имели весьма мало общения с другими народами, вращались почти исключительно в собственной среде, говорили только по-гречески. Эта формальная изолированность греков продолжалась до 1859 г., когда правительством было снято запрещение для русских, украинцев и других поселяться в Мариуполе, и здесь, наряду с греческим обществом, появилось общество в составе русских и иностранцев; но греческие села попрежнему были мало доступны для поселенцев из других национальностей. Другая привилегия греков «иметь свой суд и расправу и всю внутреннюю полицию» из выборных представителей народа также содействовала сохранению родного языка. В силу этой привилегии, в Мариуполе был основан «Греческий суд»—своеобразное судебно-административное учреждение, распространявшее свою власть на все греческие села, состоявшее из выборных народом антипросопов как в Мариуполе, так и в селах, с делопроизводством

на греческом языке, с сохранением — по селам — порядков и норм обычного права, опиравшегося на греческий язык и унаследованные народом культурные достижения. По всем административным и судебным делам, возникавшим в пределах греческих общин, греки имели сношения со своими же выборными представителями и вели их на родном языке; обсуждение общественных вопросов в сельских советах происходило также по-гречески, документы и акты составлялись на местном димотическом языке. В архиве мариупольского Греческого суда сохранилось не мало дел на греческом языке. Особенно интересны те из них, которые написаны в сельских общинах и покрыты многочисленными греческими подписями крестьян. Греческое самоуправление было уничтожено в 1870 г., когда прекратил свое существование и Греческий суд с административными разветвлениями по греческим селам. Наконец, сохранению греческого языка на Мариупольщине много способствовали греческие школы, существовавшие в Мариуполе и селах, с преподаванием на греческом языке и по греческим книгам афинской и венецианской печати, при участии заграничных учителей-греков, приезжавших сюда преимущественно из области Понта в Малой Азии. Греческие школы с успехом вели обучение греков родному языку и литературе. И теперь среди старшего поколения в населении греческих сел встречается много греков, умеющих читать и писать по-гречески, знающих народные сказки, распевающих греческие песни как местного происхождения, так и заграничного. Они с удовольствием вспоминают о своих учителях-греках, выходцах из различных городов и сел в Турции, которые приезжали на Мариупольщину по приглашению греческих общин и с любовью занимались обучением родному языку. Деятельности этих учителей и школ преимущественно и нужно приписать сохранение среди старшего поколения греков Мариупольщины и Сталинщины элементарной грамотности, уменья читать и писать на родном языке, любви к греческой книге. В 70-х годах прошлого столетия эти элементарные греческие школы исчезли, а вместе с тем исчезли по селам и греческие книжники. Только Октябрьская революция возродила национальную греческую школу с греческим языком преподавания и изучения. Ныне на греческом языке в селах Мариупольщины и Сталинщины говорят около 70 тыс. чел., да столько же греков говорят на крымско-татарском наречии.

Греческие говоры Мариупольского и Сталинского округов еще не служили предметом систематического научного изучения. Все то, что до настоящего времени было сделано в этом направлении, ограничивается лишь немногими эскизными набросками, или предварительными сообщениями общего характера, указывающими на важность и необходимость детального изучения этих греческих говоров. Гавриил Розанов, С. Серафимов, Ф. А. Хартахай, проф. В. И. Григорович, германский ученый О. Blau, проф. Ф. А. Браун, проф. А. И. Пападопуло-Керамевс, участники сборника «Мариуполь и его окрестности» в издании Д. Хараджаева, Александрович — вот авторы то довольно серьезных, то поверхностных и случайных сообщений (в течение XIX в.) о мариупольских греческих говорах, намечающих интерес и ценность предмета. Другие попытки по изучению этих говоров, относящиеся к самому недавнему времени и принадлежавшие местным и иным работникам, имеют мало научного значения, так как велись или кустарным способом, или без знания новогреческого народно-разговорного языка и без понимания греческих говоров Мариупольщины и Сталинщины. Наше изучение этих говоров, предпринятое в плане научных работ ИЛЯЗВ, производилось в летние месяцы 1927—1929 гг. (в общей сложности — в продолжение пяти месяцев), в сотрудничестве студентов-практикантов ЛГУ, изучавших под нашим руководством новогреческий язык, и велось по определенному плану и методу, выработанном нами на основании давнего изучения новогреческой диалектологии, особенно во время многократных поездок в Грецию и Турцию для научных исследований, при свете западно-европейской литературы по изучению новогреческих диалектов и преимущественно трудов греческих ученых, входящих в состав Лингвистической комиссии в Афинах и специальной афинской комиссии по составлению и изданию «Исторического словаря греческого языка». План и метод нашей работы подробно изложены в особом докладе «Об изучении греческого населения СССР в диалектическом и краеведческом отношениях», который был одобрен ИЛЯЗВ, а в методологической своей части, в связи с занятиями афинской комиссии по составлению и изданию «Исторического словаря греческого языка», был аппробирован и Византийской комиссией при Академии Наук СССР. Этот доклад подлежит напечатанию в общем нашем исследовании о греческих говорах Мариупольщины и Сталинщины.

Работа производилась нами при благоприятных внешних условиях. Мы встретили полное сочувствие в своих занятиях со стороны окрисполкома и

нарообраза в Мариуполе, находились в контакте с местным Музеем краеведения, пользовались помещением в Мариупольской профессиональной сельско-хозяйственной школе, где большинство учащихся принадлежит к греческому крестьянству Мариупольского и Сталинского округов. Ученики-греки (в возрасте от 18 до 21 г.) были первым объектом нашего исследования в отношении различных греческих говоров, преимущественно же сел Ялты, Сартаны, Чермалыка, Большой Каракубы, Новой Каракубы, Константинополя и Анадоля. Летом 1928 и 1929 гг. в среде учеников сельхоз. школы уже существовала целая группа греческой молодежи, знакомая с задачами нашей работы, несколько подготовленная к техническому ее выполнению и вполне охотно откликавшаяся на наши запросы сообщением то народных песен и сказок, то теоретических данных по местным говорам. Затем в сел.-хоз. школе летом как 1927 г., так и 1928 и 1929 гг. нарообразом устраивались курсы для греческих учителей сел Мариупольского и Сталинского округов, в количестве от 35 до 60 чел. Мы вошли в тесное общение с учителями греческих школ и широко использовали их познания в местных греческих говорах, преимущественно же сел Урзуфа, Чердаклы, Малого Янисоля, Нового Янисоля, Стилы, Большого Янисоля, Бугаса и других. По приглашению руководителей курсов, мы прочитали для учителей ряд лекций по истории новогреческого языка (в 1927 г.) и новогреческой димотической литературы XIX и XX вв. (в 1928 и 1929 гг.), принимали участие в занятиях межобластной учительской конференции, главным образом, по вопросу о составлении и издании для греческих сел Мариупольщины и Сталинщины учебников и учебных руководств на *новом общем димотическом языке*, применительно к задачам социалистического строительства среди греческого нацмена в СССР вообще и в УССР в частности, с учетом диалектических и краеведческих особенностей края. И со стороны греческого учительства, представлявшего на курсах все греческие села края, мы встретили большое сочувствие и содействие в нашей работе и обязаны сотрудничеству учителей многими и важными приобретениями в области местной новогреческой диалектологии. Наконец, мы с научною целью посетили ряд греческих сел Мариупольского округа: Ялту (дважды), Урзуф, Сартану, Чермалык и Македоновку, Чердаклы, Малый Янисоль и Новый Янисоль, где проводили обыкновенно по 7 или 10 дней, — входили в общение как со старшим, так и средним и младшим поколениями греческого крестьянства, записывали по-гречески песни, сказки, пословицы, поговорки,

а также грамматический и словарный материал по сообщениям избранных представителей различных поколений греческого, преимущественно бедняцкого, населения, находились в контакте с сельсоветами и знакомились с актами делопроизводства на греческом языке и с официальными объявлениями, читали стенгазеты (в Сартане) на местном говоре. В Мариуполе же мы входили в общение с рабочими из греков и изучали особенности их языка, знакомились в тех же целях с многочисленными, проживающими в городе, выходцами из различных греческих сел края — учителями, ремесленниками и служащими, следили по греческой газете *Κομμουνιστής*, издаваемой в Ростове-на-Дону по фонетической орфографии, за корреспонденциями из мариупольских сел и отдельными статьями, написанными на местных говорах. Одновременно мы занимались в Музее краеведения, где собран, можно сказать, исключительный по составу и разнообразию краеведческий материал, касающийся греческого нацмена, и единственный по ценности для всего нашего Союза, а также — в Мариупольском окружном архиве, где мы изучали рукописные материалы о прошлой жизни местного населения, в связи с языковой его культурой. Практическая работа дала нам возможность уточнить план научных изысканий, усовершенствовать технику записи песен и сказок и вообще стать на строго-научный путь в осуществлении поставленной задачи.

Обращаясь к результатам наших занятий, можем отметить, что нами собран обширный диалектический материал по основным вопросам грамматики для говоров всех греческих сел Мариупольского и Сталинского округов, т. е. Ялты и Урзуфа, Сартаны, Чермалыка, Чердаклы, Малого Янисоля и Нового Янисоля, Большой Каракубы, Новой Каракубы и Бугаса, Стилы, Константинополя и Большого Янисоля и, наконец, Анадоля. С наибольшею полнотою и обстоятельностью мы изучили говоры сартанско-чермалыкский, чердаклийско-малоянисольский и ялтинско-урзуфский. Фонетика этих говоров со всеми своеобразными особенностями в изменении гласных, двугласных и согласных, особенности в употреблении ударений, морфология или типология говоров — с определением остатков члена, склонение имен существительных мужского, женского и среднего родов, склонение имен прилагательных с различными окончаниями, образование степеней сравнения, числительные и их употребление, склонение местоимений различных видов, глаголы и их залоги, наклонения и времена,

употребление приращения и удвоения, спряжение глаголов правильных, слитных и неправильных, глаголы безличные и их временные формы, образование и виды наречий, сохранившиеся предлоги и их употребление, союзы и междометия, образование существительных увеличительных и уменьшительных, фамильные имена, синтаксис в главных его особенностях, наконец, словарный материал — вот те основные предметы наших диалектических изысканий по указанным говорам, представленные в наших записях многочисленными и содержательными данными. В таком же составе и направлении нами собраны диалектический материал и по говорам остальных, указанных выше, греческих сел Мариупольщины и Сталинщины.

Одновременно с собиранием теоретического материала по новогреческой диалектологии, мы производили запись на греческом языке памятников народного творчества греков, именно — сказок, песен, колядок, пословиц, поговорок, загадок, частушек. В общем составе мы имеем в своем распоряжении свыше ста греческих сказок и песен и столько же малых пьес, записанных в разных селах Мариупольского и Сталинского округов, от сказителей преимущественно почтенного возраста, сохранивших в своей памяти эти произведения народного творчества по преимуществу от отцов и дедов. Весь этот материал, характеризующий культурный уровень греков края, является ценной иллюстрацией к собранным теоретическим данным по новогреческой диалектологии и служит надежной базой для определенных лингвистических суждений и выводов.

По существу своему греческий димотический язык, служащий ныне разговорным языком в эллинских селах Мариупольщины и Сталинщины, не имеет диалектического единства и состоит из группы отдельных греческих говоров. Критерием для их оценки надлежит принять «новый общий разговорный язык — *νέα κοινὴ λαλουμένη γλῶσσα*», который в настоящее время употребляется в Греции, преимущественно в Афинах, и применяется в произведениях самого крупного новогреческого поэта Кости Паламаса с его последователями и самого выдающегося новогреческого прозаика Иоанна Психариса и его сторонников. Сопоставляя с *νέα κοινὴ λαλουμένη γλῶσσα* греческие говоры Мариупольщины и Сталинщины, возможно установить, в зависимости от их близости к этому языку и по степени засорения их чуждыми, преимущественно татарскими, элементами, следующую градацию: 1) говор сел Ялты и Урзуфа, 2) говор сел Стилы, Константинополя

и Болшого Янисоля, 3) говор сел Большой Каракубы, Новой Каракубы и Бугаса, 4) говор сел Сартаны, Чермалыка и Македоновки и 5) говор сел Чердаклы, Малого Янисоля и Нового Янисоля.

Отдельно стоит говор села Анадоля, примыкающий к достаточно известному в науке понтийскому диалекту.

Не входя в настоящем предварительном сообщении в подробное описание и характеристику каждого из указанных говоров в отдельности, так как это составляет дальнейшую очередную нашу задачу, требующую самого детального обзора фонетики, морфологии, этимологии, синтаксиса и лексикологии каждого говора по применению его в том или другом греческом селе Мариупольского и Сталинского округов, мы здесь лишь отметим, что по всей совокупности диалектических особенностей эти говоры примыкают к северным говорам (*τὰ ἰδιώματα*) или диалектам (*αἱ διάλεκτοι*) новогреческого языка, которые — в общем — характеризуются сужением безударных гласных, т. е. изменением *ε* в *ι* и *ο* в *ου*, тогда как в южных говорах они сохраняются. Затем, отдельные диалектические особенности Мариупольских говоров можно встретить в говорах материковой Эллады, Эпира, Македонии, Фракии, северной Евбеи, Митилины, Самоса, особенно же малоазийского Понта. Эта общность диалектических моментов как в фонетике, так и в морфологии объясняется историческим взаимообщением мариупольских греков с зарубежным греческим миром в течение длинного ряда лет как в новейшее время, так и в византийскую эпоху. Но, на ряду с зарубежным эллинским влиянием, в структуре мариупольских говоров нужно отметить самобытность местных условий творчества, зависевших от общего культурного уровня мариупольских греков до и после их переселения на Украину. Не без влияния осталось длительное общение греков с татарами (в Крыму), с русскими и украинцами на Украине. Расчленить местные и зарубежные греческие элементы, с одной стороны, и иноземные заимствования — с другой в общей организации мариупольских говоров будет возможно с надлежащей детальностью лишь после обособленного исследования каждого из пяти говоров в отдельности. Но и теперь с бесспорностью надлежит констатировать, что мариупольские говоры во всем составе диалектических своих особенностей не совпадают ни с одним более или менее установленным в науке диалектом нового греческого языка. Мы не хотим этим сказать, что мариупольские говоры составляют особый диалект новогреческого языка, который надлежит поставить на особом

месте в системе новогреческой диалектологии, но невозможно отрицать того, что мариупольские говоры в общем составе характерных своих свойств и особенностей представляют большой, разнообразный и интересный диалектический материал, еще неизвестный лингвистической науке и неучтенный исследователями новогреческих говоров. Достаточно указать на характеризующий южные мариупольские говоры цитакизм (*τσιτακισμός*) с широким разветвлением, неизвестным в зарубежных северных греческих говорах, на своеобразную систему метатезиса согласных, на претворение чуждых, преимущественно татарских, элементов в живой организм димотического греческого языка и другие подобные явления, — чтобы признать научную ценность мариупольских греческих говоров и необходимость детального их исследования в свете новейшей греческой диалектологии. Новогреческая диалектология должна быть дополнена новой главой — о греческих говорах Мариупольщины и Сталинщины, а «Исторический словарь новогреческого языка», ныне подготовляемый к изданию в Афинах особой правительственной комиссией, не может не обогатиться многочисленной группой новых слов и терминов, неизвестных исследователям зарубежных новогреческих диалектов.

В научном исследовании мариупольских греческих говоров существенное значение имеет не только теоретический материал, отвечающий на вопросы грамматики, но и живой димотический язык, употребляющийся в памятниках народного творчества. В этом отношении особенно важны сказки мариупольских греков, на которые исследователю надлежит обратить особое внимание.

Сказки по своему языку служат прекрасной иллюстрацией к диалектическим материалам из области грамматики греческих говоров Мариупольщины и Сталинщины. Они передаются на живом разговорном языке различных сел, с характерными особенностями местных говоров, и очень важны для уяснения различных деталей грамматики, как фактический материал, как реальный выразитель и показатель бытовых речевых установок. В сказках наблюдается определенная речевая традиция, которая переходит из поколения к поколению и сохраняет прежние языковые приобретения в унаследованном укладе. Сказки сохранились в памяти преимущественно стариков, и мало интересуют греческую молодежь, хотя по языку и вполне ей доступны. В общем, можно даже констатировать вымирание сказки

у греков Мариупольщины и Сталинщины, в виду чего необходимо спешить с записью и изучением уцелевшего народного достояния. Оно ценно не только для характеристики языка, но и важно для ознакомления с общим культурным уровнем греков Мариупольщины и Сталинщины в недавнем прошлом.

На ряду со сказками, для характеристики языка важны греческие народные пословицы, поговорки и бытовые рассказы, относящиеся ко времени переселения греков из Крыма и обоснования их на Украине.

Что касается песен мариупольских греков, то они по своему языку отличаются от сказок и приближаются к зарубежному общегреческому димотическому языку, иногда даже с особенностями литературной речи. Песни поются почти исключительно стариками и мало понятны для молодого греческого поколения. Многие песни мариупольских греков заимствованы ими от греков зарубежных, которые в прежнее время находились в живом общении с ними по делам торговым и житейско-бытовым. В песнях наблюдаются и книжные заимствования, так как афинская литература, особенно по вопросам греческой революции 1821 г., проникала в среду населения Мариупольского округа и местными книжниками распространялась в народе. Поэтому язык песен заслуживает особой оценки сравнительно с живым разговорным языком сказки. По содержанию песни мариупольских греков, как и сказки, очень разнообразны и характеризуют то исторические факты из византийской и новогреческой эпохи, то бытовые явления из пастушеского и земледельческого периодов в жизни мариупольских греков, то семейный их уклад и грани семейно-индивидуальных переживаний (особенно брак и погребение), то, наконец, этапы мировой войны, движение Октябрьской революции, рост пролетариата и новый уклад деревни в перспективе социалистического строительства.

Представляя большой научный интерес, изучение греческих говоров Мариупольщины и Сталинщины имеет глубокое жизненно-практическое значение, в интересах социально-культурного роста греческого национального меньшинства в СССР. Актуальность работы этого рода диктуется культурною отсталостью греческого нацмена в СССР. У греков народно-школьное дело, с преподаванием на родном языке, едва лишь начинает создаваться и развиваться. Школьная надстройка выражается только в организации двух педагогических техникумов. Нет у греков и самостоятельной научно-исследовательской работы. Нет также у них своих поэтов и романистов, своих ученых и писателей, своей науки, литературы, публицистики,

мало и вообще культурных работников, вышедших из среды местного массового населения.

Главное препятствие в деле социально-культурного строительства у греков заключается в отсутствии у них общего как разговорного, так и литературного димотического языка, подобного тому, какой существует у зарубежных греков, преимущественно в Элладе, где создалась своя наука и литература, имеются свои ученые и писатели. Но общий новогреческий язык, служащий ныне в Греции языком жизни и быта, науки и литературы, не может быть орудием культуры у греков в пределах СССР: он далек и чужд нашим массовым греческим говорам. Для греческого населения в пределах СССР необходимо создать свой общий разговорный димотический язык (*κοινὴ λαλουμένη γλῶσσα*), который должен быть языком нашей греческой школы, литературы, публицистики, науки, в соответствии с существом и задачами социалистического строительства в СССР. Создать же такой язык возможно лишь на основе существующих в СССР греческих говоров, в частности мариупольского и сталинского округов, путем предварительного научного их изучения, при активном участии греческих трудящихся масс, при содействии лучших греческих работников края, причем первым и основным проводником общего новогреческого димотического языка в среду трудящихся греков должны служить учебники и учебные книги для народных греческих школ, составление которых и является неотложной актуальной задачей. Греческое национальное меньшинство собственными силами и средствами, однако, не может, к сожалению, выполнить намеченную неотложную работу в интересах своего социально-культурного строительства, и в этом отношении научную помощь ему может с успехом оказать Ленинградский институт речевой культуры (б. ИЛЯЗВ).
